

© 2019 г.

С.С. ЯРОШЕНКО

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИИ АНДЕРКЛАССА В РОССИИ

ЯРОШЕНКО Светлана Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (svetayaroshenko@gmail.com).

Аннотация. В статье обсуждаются возможности заимствования теории андеркласса для объяснения причин воспроизводства бедности в России. Обобщаются результаты теоретических и эмпирических исследований, выполненных с 1999 по 2010 гг. Автор утверждает, что потенциал данной теории заключается в представлении исторической обусловленности феномена изоляции бедных в капиталистическом обществе. С одной стороны, теория андеркласса помещается в рамки критической теории и рассматривается взаимосвязь различных механизмов социального исключения (от скрытой эксплуатации до культурного империализма), а с другой – выявляются внешние аномалии постсоциалистического контекста, наследующего достижения реального социализма с полной занятостью и развитой бюджетной сферой. Автор показывает, что воспроизводство бедности в постсоциалистической России имеет специфику: принимает форму разворачивающегося исключения. При этом структурирование позиций в застойной бедности проходит по классовым и гендерным основаниям и опосредовано защитными стратегиями: мобилизацией накопленных ранее ресурсов для покрытия издержек, связанных с лишением средств к существованию, принуждением к работе за прожиточный минимум и продаже рабочей силы в условиях снижения статуса.

Ключевые слова: сравнительные теории андеркласса • режим социального исключения • усеченное социальное гражданство • защитные стратегии • постсоциализм

DOI: 10.31857/S013216250006672-2

Введение. Одна из ключевых проблем в современных исследованиях неравенства и бедности заключается в создании теории, которая позволила бы одновременно учитывать разные уровни воспроизводства социальных границ: исходя из структурных ограничений, присущих подчиненным позициям, а также из действий индивидов или сообществ, сопротивляющихся подавлению. Иначе говоря, существует настоятельная потребность выявить механизмы, благодаря которым в условиях социальных изменений, вызванных крушением системы реального социализма, распространением рынка и либеральных принципов социальной защиты, из социальной структуры «выбраковываются» определенные общности, а экономические лишения сопровождаются культурной депривацией. Последнее означает «унижение» ценностей и норм, которые не вписываются в доминирующую культуру, продвигающую индивидуальные достижения и коммерческую выгоду.

В широком смысле цель статьи – не столько применение теории андеркласса к определению таких механизмов и к объяснению производства российской бедности, сколько реконструкция теории, для которой российская ситуация является специфичной, а также развитие социологического знания о причинах постоянства бедности в условиях

глобализации рыночных отношений¹. Реконструкция теории предполагает ее развитие перед вызовами внешних аномалий и внутренних противоречий [Burawoy, 2009: 53]. Я полагаюсь на теорию андеркласса как на аналитический инструмент исследования процесса исключения, вытеснения на низшие статусные позиции в постсоветском обществе. Тем самым рассматриваю «внешние аномалии», не вписывающиеся в теорию андеркласса. Однако применение теории в ином национальном контексте не является достаточным условием для реконструкции теории. По мнению Буравого, необходим анализ внутренних противоречий теории. На мой взгляд, чтобы увидеть эти противоречия теории, недостаточно только осуществить ее критику «изнутри». Необходимо развивать ее в более широких теоретических рамках. Поэтому я рассматриваю внутренние противоречия данной теории, выделяя дискуссионные темы и включая их обсуждение в рамки критической теории, предполагающей анализ причин неравенства, обоснование закономерностей социального развития и поддержку «перспективных» проектов эмансипации. И здесь я согласна с Н. Фрезер в том, что задача критического теоретика – определить, является ли доминирующая в обществе «гегемонная грамматика отстаивания позиций – фольклорная и моральная трактовка справедливости, – адекватной существующей социальной структуре, и обоснованы ли выдвигаемые [ученым] моральные требования» [Fraser, Honneth, 2003: 208].

Теория андеркласса применительно к России. Я начала изучать российскую бедность в начале 1990-х гг. Это было время либеральных рыночных реформ, и бедность признавалась в качестве социальной цены радикальной трансформации общества при переходе от советской распределительной системы к капиталистической рыночной. Предполагалось, что экономический рост, спровоцированный внедрением рынка, сократит масштабы бедности и количество крайне бедных, создаст условия для самостоятельного обеспечения благополучия и независимости от государственной поддержки. Поэтому с самого начала предметом особой озабоченности исследователей была *застойная бедность*, т.е. *угроза формирования исключенных, или андеркласса* – того социального слоя, изучение которого было предметом пристального внимания американских социологов. Отличительными особенностями этого слоя, демонстрирующего эмпирическое сходство в различных национальных контекстах, являются крайняя бедность, пространственная сегрегация и преемственность (передача из поколения в поколение) нужды.

Теория андеркласса весьма противоречива, и противоречия связаны с существованием разнонаправленных объяснений воспроизводства бедности в рамках одной теории. Само понятие «андеркласса» было введено экономистом Г. Мюрдалем. Он зафиксировал появление в США непривилегированного слоя из числа безработных и тех, кому недоступна полная занятость: частично занятых и «не нанимаемых», вынужденно перешедших в ряды домохозяек и пенсионеров [Myrdal, 1963: 13–14]. В таком подходе термин «андеркласс» обозначал структурную позицию тех, кто не пользовался возможностями экономического развития, поскольку оказывался за пределами рынка труда или на его периферии. Для решения проблемы предлагалось создать условия для полной занятости, стимулируя экономический рост за счет развития сферы обслуживания и таких отраслей экономики, как образование, медицина, наука, культура и обслуживание пожилых [там же: 29, 63], т.е. сфер социального воспроизводства.

В то же время теория «культуры бедности» О. Льюиса – антрополога, изучавшего жизненные истории деревенских жителей, мигрирующих в города развивающихся стран Латинской Америки, – способствовала распространению «культурной» интерпретации положения андеркласса [Lewis, 1959; 1961]. Льюис пришел к выводу, что «трусобные» условия жизни ведут к формированию вполне рационального способа выживания – культуры

¹ Статья написана по материалам проектов «Социальная поддержка официальных бедных в условиях социальной трансформации: институт зависимости или канал восходящей мобильности» (2001–2002) при поддержке АНО «Независимый институт социальной политики» (№ SP-02-1-04); «Ценность успеха и стратегии его достижения в семьях разного достатка. Опыт анализа постсоветского Севера» (2006–2008) при поддержке РФФИ (№ 06-02-00228а), а также РФФИ № 18-011-00561.

бедности, понимаемой в основном как набор специфических ценностей, отличных от ценностей более благополучных социальных слоев. В таком подходе акцент делался на особенностях поведения, в частности, на мобилизации неформальных отношений и взаимопомощи в трудных ситуациях². Перспективы преодоления бедности, по его мнению, зависели от масштабов крайней бедности. В развитых странах, таких как США, где крайне бедные составляют меньшинство, можно с помощью социальной работы поднять их уровень жизни и интегрировать в средний класс. В развивающихся странах, где значительная часть населения живет в нищете и охвачена культурой бедности, социальная работа нецелесообразна. Напротив, ситуацию можно изменить лишь революционным путем: через структурные преобразования, перераспределение богатства, организацию бедных и формирование у них чувства принадлежности (sense of belonging) [Lewis, 1966: 25]. Он предполагал, что социальные движения, в том числе религиозные, рабочие или правозащитные, восстанавливают связь с остальным обществом, дают ощущение влияния и власти. Поэтому считал, что в социалистических странах нет оснований для формирования культуры бедности.

Иными словами, один и тот же процесс «анклавизации», т.е. пространственной и социальной изоляции бедных, наблюдался в разных контекстах. В одном проходила экономическая реструктуризация при относительной социальной стабильности (рынок, либеральное социальное государство, капитализм), в другом – радикально менялся социальный порядок при минимальном государственном вмешательстве. В первом случае изолируются «ненужные», во втором – приспосабливаются к скудным условиям жизни «крайне бедные». Исходя из первой перспективы, застойная бедность объяснялась структурными обстоятельствами, а согласно второй – индивидуальными предпочтениями и ценностями. В последующих попытках применить теорию андеркласса к изучению пространственно сегрегированных бедных, – будь то жители гетто или фавелл, – все чаще особая культура, а не специфические условия жизни ставятся в основание объяснений. Такой уклон подвергся «жесткой» критике за выведение причин бедности из природы человека, его поведения или ценностей, затормозив на десятилетия изучение роли культуры в поддержании неблагополучия [Vaisey, 2010: 75–76]. И в то же время способствовал развитию более «мягкого» представления о культуре не как наборе ценностей или идеалов, а как совокупности навыков, привычек и средств, предоставляющей индивидам ресурсы для преодоления жизненных трудностей и выработки стратегий действия [Swidler, 1986: 275]. Подобная двойственность, на мой взгляд, не случайна и вытекает из необходимости совмещения двух перспектив: внешней и внутренней (структурной и культурной).

В 1980-х гг. У. Вилсон попытался совместить эти два объяснения при исследовании консервации бедности в гетто в центральных кварталах крупных городов США в условиях деиндустриализации и формирования экономики обслуживания [Wilson, 1987]. Вилсон развивает теорию андеркласса, обращая внимание на *конструируемый* характер застойной бедности: *когда утверждающая индивидуальные достижения политика в условиях развитой капиталистической системы доступна только благополучным и исторически менее дискриминируемым; когда чем выше неравенство в распределении ресурсов среди групп в обществе, тем ниже участие «непривилегированных» в групповом взаимодействии, в действующих институтах и в производстве культуры*. Несомненной заслугой и вкладом Вилсона в развитие «синтетического» объяснения воспроизводства бедности является фокус на

² Позже исследователи делали акцент на «нефункциональных», препятствующих восходящей мобильности в либеральном рыночном обществе характеристиках культуры бедности: на оправдании нарушения общепринятых норм [Hannerz, 1969] или на отказе от традиционных ценностей самоограничения, дисциплины и напряженного труда [Kelso, 1994: 34], сопряженных с нестабильностью семейных связей и формированием материнских семей, некоей групповой сплоченностью, неформальными отношениями и ростом насилия. Парадоксально, что «нефункциональными» в либеральном рыночном обществе, где ценится индивидуальный успех и конкурентоспособность, оказались эгалитарные ценности и нормы взаимопомощи, часто разделяемые крайне бедными [Ladanyi, Szelenyi, 2006: 18].

институциональное устройство, регулирующее доступ к каналам привилегий и благ, а также влияющее на упорядочивание отношений и действий в определенном направлении. Тем не менее остались нерешенными два вопроса: как выпавшие из социальной структуры связаны с классом и при каких условиях их нормативное включение в господствующую систему ценностей оказывается невозможным [Моррис, 2000]³. Особенно важно отметить, что оставался малоисследованным вклад практических действий в институциональное устройство, ограничивающее доступ к благам.

Страны, переживающие переход от социалистического распределения к капитализму, становились лабораторией для проверки гипотезы о влиянии рынка и государства на бедность [Tarkowska, 1999; Ladanyi, Szelenyi, 2006]. Не менее важным представлялся анализ влияния индивидуальных предпочтений или субъектного действия на *консервацию бедности и трансформационные процессы*. Предполагалось, что в России застойная бедность формируется из числа постоянных получателей социальной поддержки, а теория андеркласса обладает объясняющей силой, позволяющей предсказать состав и действия этой конкретной группы, а также выявить исторически значимые различия [Ярошенко, 1994; Балабанова, 1999]. В ходе эмпирического исследования среди зарегистрированных бедных и городских жителей одного региона мне предстояло ответить на вопросы о том, существует ли *универсальная логика формирования андеркласса по американскому сценарию: через пространственную сегрегацию и защитную самоизоляцию замкнутых сообществ*.

Траектории ускоренного исключения. Мой, поначалу сугубо теоретический, исследовательский интерес подогревался противоречием между риторикой (что должно быть) и практикой (что в реальности). Формирование российского андеркласса тесно связано с процессами исключения – вытеснением на низшие статусные позиции и сокращением возможностей управлять своей жизнью. На основании данных лонгитюдного исследования среди зарегистрированных бедных⁴ и опросов среди горожан⁵ в одном из регионов России, проведенных с конца 1990-х гг. до 2010 г., вместе с коллегами из Коми научного центра мы обнаружили, что вместо *концентрации* происходит *разворачивание* исключения и значимый вклад в воспроизводство бедности вносят одновременно класс, гендер и защитные реакции индивидов на рынок. Их динамика показательна для понимания того, какие черты приобретает бедность и как институционально оформляется исключение в постсоциалистических условиях.

Вопреки ожиданиям благотворного влияния саморегулирующегося рынка, расширяется сегмент низкооплачиваемых рабочих мест и происходит *разрыв связи между трудом и средствами к существованию*, т.е. *труд не обеспечивает безбедного существования*. Первая волна реструктуризации сферы занятости в 1990-х гг. обернулась сокращением промышленности, расширением торговли и сферы услуг, как правило, с низкооплачиваемыми рабочими местами и минимальными трудовыми гарантиями. Вторая волна, в 2000-х гг., связана с оптимизацией бюджетной сферы и сворачиванием социальных гарантий

³ В Великобритании исследователи подчеркивали квазимарксистский след в теории андеркласса, связанный с фактическим отказом от «класса» как значимой категории анализа. В то же время они настаивали на необходимости изучения андеркласса, зависимость от социальных пособий [Smith, 1992; Willetts, 1992; Lister, 1996; Ken, 1997]. В США исследователи отмечали квазифеминистский след в данной теории, связанный со скрытой критикой публичного патриархата: зависимости женщин с детьми от социальных пособий и исключение зависимых от равных гражданских прав [Fraser, 1987; Young, 1990: 54].

⁴ Изучались стратегии занятости тех, кто обратился в 1998 г. в социальные службы за помощью. Среди зарегистрированных в качестве нуждающихся отобрано 30 мужчин и 30 женщин, моложе и старше 35 лет, половина из которых без высшего образования. В течение 1999–2001 гг. два раза в год с ними проводились глубинные фокусированные интервью (четыре волны исследования). В 2010 г. мы вернулись к нашим информантам, чтобы узнать об изменениях (39 информантов из первоначальной выборки, 19 мужчин и 21 женщина). Подробнее см.: [Ashwin, 2006: 1–31; Ярошенко, 2013; 2017].

⁵ Опросы в домохозяйствах Сыктывкара проводились в 2002 и 2007 гг. по случайной выборке всего населения ($N = 1033$ и $N = 800$) и подвыборке среди официальных бедных ($N = 370$ и $N = 300$). Подробнее о методике опросов см.: [Ярошенко, 2010].

(ограничением доступа к нерыночным услугам – образованию, медицинскому обслуживанию). На результатах количественного исследования мы показали, что рабочие не только первыми испытали негативные последствия рыночного реформирования, но и оказались самой многочисленной группой среди крайне бедных [Ярошенко, 2010]. Более того, весомая часть исключенных – устойчивой группы крайне бедных – также наемные работники, занятые на периферии рынка труда [Ярошенко, 2017]. Испытание деквалификацией вызвало ответную реакцию рабочих: одни перешли в самозанятые, другие предпочли держаться за рабочие места, немногие нашли в себе силы сопротивляться. Однако их стратегии сопротивления нисходящей мобильности не были поддержаны в обществе. Напротив, на фоне деиндустриализации, а затем и создания рыночной экономики обслуживания большее внимание уделялось бюджетникам, чье положение объективно было лучше, чем у рабочих, и выше возможности влияния на проводимую политику.

Не совпадали с ожиданиями и *гендерные последствия* рыночной трансформации в постсоветском обществе. Согласно данным лонгитюдного исследования оказалось, что не просто происходит феминизация бедности или люмпенизация мужской части российского населения, а в половине случаев доходы не позволяли заботиться о ком-то еще кроме самих себя [Ярошенко, 2013]. По данным опросов, если в начале 2000-х гг. проявилась тенденция: чем ниже классовая позиция, тем сильнее влияние гендера на вероятность стать бедным, то спустя десять лет росло независимое от класса влияние гендерной позиции: одинокие матери разных классов с большей вероятностью испытывали экономические лишения, а их стратегии сопротивления, как и в случае с рабочими, оставались невидимыми и непризнанными. Иными словами, *сокращение привилегий и гарантий, в том числе автономии и самореализации в процессе труда, принятых для наемных работников при реальном социализме в позднесоветское время, не компенсировались ростом возможностей в развивающемся сегменте экономики. Распространение товарно-денежных отношений на сферу социального воспроизводства усилило давление структурных ограничений: параллельно влияние оказывают класс и гендер.*

Не оправдались опасения того, что застойная бедность формируется из числа зависимых от социальных пособий. В то время как рыночные отношения распространялись на сферу занятости, радикально менялась социальная политика. На фоне веры в свободный рынок и однозначной критики реального социализма происходит фактическое сокращение социальных обязанностей государства обеспечивать базовый уровень благополучия. Формируется *усеченное социальное гражданство*: регулирование сферы занятости и социальной защиты исходя из минимальных значений оплаты труда и пособий, т.е. фактическое принуждение к работе за прожиточный минимум. При этом не только сокращаются социальные гарантии, но и их смысл выхолащивается благодаря символическим денежным выплатам. В этих условиях сложно выработать консенсус в отношении социальной политики, а избирательная социальная защита, с учетом размера денежных доходов и выполнения ряда требований, применяемых для стимулирования индивидуальной активности и контроля над «культурой зависимости», – ведет лишь к проблематизации бедности. Однако условия предоставления социальной помощи не позволяют отобрать наиболее нуждающихся. Согласно данным опроса, среди зарегистрированных бедных только треть – крайне бедные, две трети – работающие, и столько же семей, возглавляемых женщинами – основными кормильцами. *Таким образом, адресная социальная поддержка представляет собой компенсацию низкой оплаты труда, а не страхование от рисков безработицы и бедности.*

Наконец, в ситуации продвижения идеологии индивидуальной ответственности за благополучие формируется *частная оборона* индивидов и домохозяйств. Испытывающие нисходящую мобильность мобилизуют все имеющиеся ресурсы, чтобы избежать бедности. Среди рабочих наблюдается мигрирующая занятость, подработки и фрагментация действий. Среди занятых в сфере обслуживания женщин – с одной стороны, ожидание признания значимости их труда по уходу, а с другой – приватизация этой сферы

деятельности, т.е. заботы, минимизация сопереживания и отчуждение. Пенсия становится компенсацией низкой оплаты труда: среди занятых из числа наших респондентов около трети работающих пенсионеров. При этом, согласно данным лонгитюдного исследования, снижается ценность труда и готовность работать без материальной необходимости. По данным опроса, увеличивается вероятность попадания в число бедных тех, кто не готов или не может повышать образование. *В целом, преобладают защитные стратегии, когда компенсация негативных последствий распространения рыночных отношений на сферу социального (вос)производства происходит за счет истощения приобретенных ранее ресурсов, разрыва социальных связей и исключения, а не за счет контроля за распространением рыночных отношений на труд, связанный с заботой.*

Между тем воронка попадания на позиции бедности расширяется за счет представителей других групп: служащих, специалистов. Сошлюсь на результаты исследования в одном из депрессивных районов Республики Коми, согласно которым жители целого города находятся в сложном положении [Лыткина, 2014]. Иными словами, возможности и преимущества тех или иных групп в мегаполисах формируются в условиях рынка за счет вытеснения на периферию многих других.

Итак, в то время как мой исследовательский взгляд «ужесточился» особым вниманием к крайне бедным, в стране все ярче проявлялись особенности российского андеркласса: вместо пространственной сегрегации происходило разворачивание процессов исключения, длительность пребывания в крайней бедности не сопровождалась зависимостью от социальных пособий, и второе поколение бедных еще только росло, пока первое поколение бывших советских граждан защищалось от рынка. Особенности процессов исключения в постсоветском контексте позволяют включить эти наблюдения в дискуссию о причинах различий в формах исключения в странах с разным типом капитализма [Wasquant, 1996; 2008; 2016], тем самым способствовать развитию исторических и сравнительных аспектов теории андеркласса [Emigh, Szeleney, 2001; Ladanyi, Szeleney, 2006]. Я не только разделяю утверждения исследователей о том, что логики исключения отличаются в развитых и развивающихся капиталистических странах, но и считаю, что в постсоциалистических странах исключение распространяется ускоренными темпами. Возвращение в академическую дискуссию «пропущенного третьего» – т.е. опыта глобальной рыночной трансформации в постсоциалистической стране – позволяет четче определить вклад рынка и избирательной государственной политики в воспроизводство бедности, а также обратить внимание на «теоретический» остаток: действия крайне бедных.

Институционализация защитной логики исключения. Специфика российской ситуации заключается в том, что постоянной бедности – передаваемой из поколения в поколение – не существовало в Советском Союзе. Она начинает формироваться только с восстановлением капитализма и распространением рыночных отношений на ранее не охваченные ими сферы [Dörre, 2010]. Вклад в ее консервацию вносят последовательное вытеснение на социальное дно крайне бедных, а также социальная изоляция «неудачников», выстроенная на культурной депривации и негативной маркировке опыта «бывших советских людей», которым присуща высокая значимость идентификации через работу и самореализации в процессе труда. Набор действий, предпринимаемых ими для решения проблем, вызванных ослаблением взаимосвязи между трудом и благополучием, т.е. оплатой труда и приобретаемыми средствами к существованию, связан со структурными механизмами воспроизводства бедности, а точнее – со структурами возможностей. А набор действий, предпринимаемых для решения противоречий, вызванных ослаблением взаимосвязи между «трудом» и значимым действием, характеризует культурные механизмы консервации бедности, часто ассоциируемые с конструированием позиции в процессе осмысленного выбора, который проявляется в практиках использования доступных возможностей. Если структурные механизмы опираются на бессубъектную логику причинности, то культурные механизмы – на рационалистическую и субъектную логику объяснения того, как через выстраивание защит действует исключение.

В целом понятие «исключения» обладает эвристическими возможностями для выявления институциональных механизмов доминирования и извлечения прибыли, позволяя занять определенную позицию в споре между марксизмом⁶ и феминизмом⁷ о формах угнетения. В отличие от марксистской категории эксплуатации, предполагающей присвоение прибыли определенными социальными классами, контролирующими этот процесс, исключение наиболее уместно в применении к формам эксплуатации, которые только еще возникают или остаются невидимыми. В отличие от феминистской трактовки исключения как результата множественных форм угнетения, я рассматриваю конкретные способы изоляции опыта преодоления нужды, избирательного признания различий и игнорирования интересов. Принципиальным моментом данного подхода является критическое осмысление набора значимых действий и достигаемой с их помощью свободы.

Обращение к защитным стратегиям ярко проявилось в сфере социального воспроизводства. В практиках занятости женщин отражаются особенности формирования постсоветской рыночной экономики обслуживания, в которой товарно-денежные отношения распространяются на сферу, прежде регулируемую социальными нормами и институционализированными правилами взаимопомощи и коллективизма. Нематериальные составляющие деятельности по поддержанию социальных связей и заботы о других используются для компенсации и оправдания низкой заработной платы. Вместо того чтобы отстаивать высокую стоимость труда заботы, одни женщины отказываются от нее и критикуют привилегии, которые были доступны занятым в бюджетной сфере. Другие заботятся, следуя моральному долгу, не считаясь с объемом внутренних ресурсов, которые при этом тратятся. В результате в стратегиях решения конфликта между трудовым вкладом и его вознаграждением выстраивается неравный обмен в пользу тех, кто ориентирован на личное благополучие и получение коммерческой выгоды, в силу приписывания им «культурного» превосходства, скрывающего институциональный механизм исключения.

Труд все больше отчуждается, становится вынужденным – средством поддержания жизнедеятельности наемных работников, тогда как свободный труд как способ самореализации – труднодостижимый идеал. Опыт того, какой ценой удалось сохранить прежний уровень жизни и остановить нисходящую мобильность, изолируется и фрагментируется. С одной стороны, структуры внешних возможностей рабочих промышленных производств, предприятий в торговле и сфере обслуживания ограничивают способность к действию, что отражается в статусной дезориентации и разнонаправленных стремлениях компенсировать ухудшение условий и угрозу лишения средств к существованию. В практиках использования внешних возможностей защитные стратегии преобладают над достигательными или эмансипаторными. В итоге происходит не накопление, а сворачивание внутренних ресурсов и, соответственно, сокращается человеческий потенциал и свобода заниматься значимой деятельностью.

Заключение. Преимущества теории андеркласса представляются в том, что она позволяет проверить гипотезу о формировании постоянно бедных из числа зарегистрированных

⁶Исключение – лишение средств к существованию или, в марксистской версии, «исключение доступа эксплуатируемых к определенным производственным ресурсам» [Буравой, Райт, 2011: 50]. Согласно марксизму, 1) исключение поддерживает обратную взаимосвязь между богатством и бедностью, когда материальное благосостояние эксплуататоров находится в причинно-следственной зависимости от материальных лишений эксплуатируемых; 2) в ситуации эксплуатации самая привилегированная социальная категория нуждается в наличии категории исключенных; 3) иными словами, исключение – один из механизмов, встроенных в классовые отношения. Но для марксизма ключевой концепцией здесь все же выступает эксплуатация.

⁷В феминистской теории исключение связывают с разными формами подавления, например: эксплуатацией, маргинализацией, безвластностью, культурным империализмом и насилием [Young, 1990]. Считается, что не только распределительная (классовая) логика ограничивает индивидуальные достижения и поддерживает систематическое преимущество мужчин над женщинами, но и институциональная проявляется в процессе принятия решений, в неоспариваемых (принимаемых) нормах, привычках и правилах, в повседневных практиках [там же, 1990: 41].

в качестве нуждающихся в социальной поддержке, а также выявить схемы исключения тех, чья работа не позволяет обеспечить прожиточный минимум, и кто, будучи трудоспособным членом домохозяйства, обращается за помощью в социальные службы и получает статус «нуждающейся семьи».

В классической теории андеркласса социальная и пространственная изоляция крайне бедных в обществе объяснялась из двух позиций. Если в первой акцент делался преимущественно *на социальных границах, выстраиваемых* [извне] в процессе изменения экономической структуры, то во второй – на защитном механизме выживания, вырабатываемом [изнутри] в ответ на крушение социального порядка и неспособность ключевых социальных институтов обеспечить благополучие определенным социальным слоям в процессе смены социальной и экономической системы.

Совмещение противоположных объяснений в рамках критической теории позволило выявить в них марксистскую перспективу, связав структурные механизмы исключения с процессами классовообразования в условиях формирования рыночной экономики обслуживания и распространения товаро-денежных отношений на сферу социального воспроизводства в постсоциалистической России. Это предоставило также возможность четче обозначить основания для феминистской критики защитных реакций испытывающих нисходящую мобильность бывших советских граждан. Защита выстраивается таким образом, что компенсация негативных последствий распространения рыночных отношений на сферу воспроизводства происходит за счет истощения приобретенных ранее ресурсов, разрыва социальных связей и исключения, а не за счет контроля за распространением рыночного механизма на труд в целом и на заботу как труд, в частности.

На основании результатов качественного и количественных исследований прослеживаются внешние аномалии, не вписывающиеся в теорию андеркласса: вместо концентрации исключения происходит его разворачивание, вместо деклассирования бедность распространяется на работающих, происходит разрыв между трудом и обеспечением средств существования, а прибыль извлекается из нематериальных составляющих значимой деятельности; наконец, адресная социальная защита не достигает крайне бедных и становится компенсацией низкой оплаты труда. В итоге классическая теория развивается через фиксацию определенной, в основном «защитной» логики исключения.

Я разделяю позицию, согласно которой управление бедностью, в частности избирательная социальная политика, необходимо для развития рынка [Полань, 1944] и вносит вклад в развитие капитализма как экономической системы и как формы политической и социальной организации [Dean, 1991]. Рыночное развитие способствует разрушению общества и вызывает защитную реакцию. Для дальнейшей концептуализации стратегий защит и преодоления лишений необходимо детальное описание процесса управления лишениями: как представляются лишения, что определяется «нормальным» для жизни в лишениях и какие средства подходят или какие действия предпринимаются для их преодоления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буравой М., Райт Э.О. Социологический марксизм // Социология. 2011. № 2. С. 43–57.
- Балабанова Е.С. Андеркласс: понятие и место в обществе // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 65–70.
- Лыткина Т. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. № 3. С. 33–47.
- Моррис Л. Понятие *underclass'a* // Экономическая социология. 2000. Т. 1. № 1. С. 67–91.
- Полань К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетей, 2002.
- Ярошенко С. Синдром бедности // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 43–50.
- Ярошенко С. Новая бедность в России после социализма // Laboratorium. 2010. № 3. С. 42–72.

- Ярошенко С. Женская работа и личное благополучие. Технологии исключения в постсоветской России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 5. С. 23–59.
- Ярошенко С. Лишние люди, или О режиме исключения в постсоветском обществе // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 60–90.
- Ashwin S. (ed.) *Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behavior*. London: Routledge, 2006.
- Burawoy M. *The Extended Case Method. Four Countries, Four Decades, Four Great Transformations and One Theoretical Tradition*. Berkeley: University California press, 2009.
- Dean M. *The Constitution of Poverty. Toward a Genealogy of Liberal Governance*. London: Routledge, 1991.
- Dörre K. *Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation // Socialist Studies/Études socialistes*. 2010. Vol. 6. No. 2. P. 43–74.
- Emigh R.J., Szelenyi I. *Poverty, Ethnicity and Gender in Eastern Europe during the Market Transition*. Westport, Conn.: Praeger, 2001.
- Fraser N. *Women, Welfare, and the Politics of Need Interpretation // Hypatia*. 1987. Vol. 2. No.1. P. 103–121.
- Fraser N., Honneth A. *Redistribution or Recognition? A Political-philosophical Exchange*. London: Verso, 2003.
- Hannerz U. *Soulside. Inquiries into Ghetto Culture and Community*. New York: Columbia University press, 1969.
- Ken R. *Is There an Emerging British 'Underclass'. The Evidence from Youth Research // Youth, the «Underclass», and Social Exclusion / Ed. by R. Macdonald*. London: Routledge, 1997.
- Kelso W.A. *Poverty and the «Underclass». Changing Perceptions of the Poor in America*. New York: New York University press, 1994.
- Ladanyi J., Szelenyi I. *Patterns of Exclusion: Constructing Gypsy Ethnicity and the Making of the Underclass in Transitional Societies in Europe*. New York: East European monographs, Boulder Co., 2006.
- Lewis O. *Five families. Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. New York: Basic Books, inc., 1959.
- Lewis O. *The Children of Sanchez*. New York: Vintage Books, 1961.
- Lewis O. *The Culture of Poverty // Scientific American*. 1966. Vol. 215. No. 4. P. 19–25.
- Lister R. *Introduction: In Search of the «Underclass»*. In.: Charles Murray and the Underclass: the Developing Debate / Ed. by R. Lister. London: IEA, 1996.
- Myrdal G. *Challenge to Affluence*. New York: Pantheon Books, 1963.
- Smith D. (ed). *Understanding the Underclass*. London: Policy studies institute, 1992.
- Swidler A. (1986). *Culture in Action: Symbols and Strategies // American sociological review*. Vol. 51. No. 2. P. 273–286.
- Tarkowska E. *In Search of an Underclass in Poland // Polish Sociological Review*. 1999. Vol. 1. No. 125. P. 3–16.
- Vaisey S. (2010). *What People Want: Rethinking Poverty, Culture, and Educational Attainment // The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 629. *Reconsidering Culture and Poverty*: 75–101.
- Wacquant L. *The Rise of Advanced Marginality: Notes on Its Nature and Implications // Acta Sociologica*. 1996. Vol. 39. No. 2. P. 121–139.
- Wacquant L. *Urban Outcasts. A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. Cambridge: Polity press, 2008.
- Wacquant L. *Revisiting Territories of Relegation: Class, Ethnicity and State in the Making of Marginality // Urban Studies*. 2016. Vol. 53. No. 6. P. 1077–1088.
- Willetts D. *Theories and Explanations of the Underclass // Understanding the Underclass / Ed. by D. Smith*. London: Policy Studies Institute, 1992. P. 48–54.
- Wilson W.J. *The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass and Public Policy*. Chicago: University of Chicago press, 1987.
- Young I. *Justice and Politics of Difference*. Princeton: Princeton University press, 1990.

Статья поступила: 14.01.19. Финальная версия: 01.08.19. Принята к публикации: 03.08.19.

ON POSSIBILITIES OF APPLYING THE UNDERCLASS THEORY IN RUSSIA

YAROSHENKO S.S.

St. Petersburg State University, Russia

Svetlana S. YAROSHENKO, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of Comparative Sociology Chair in St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (svetayaroshenko@gmail.com).

Abstract. The main purpose of the paper is to discuss possibilities of borrowing the underclass theory to explain reasons for the reproduction of poverty in Russia. Analysis is based on theoretical and empirical studies of Russian poverty over the last two decades under the conditions of radical social transformation caused by market reforms and transition from real socialism to real capitalism. As a result, the comparative prospects of borrowing a theory created in a specific national context are considered. On the one side, the underclass theory fits into the framework of the critical theory and various mechanisms of social exclusion (from hidden exploitation to cultural imperialism) are examined, and on the other, the external anomalies of the post-socialist context inheriting the achievements of real socialism with full employment and a developed budget sphere are revealed. It is proved that the reproduction of poverty in postsocialist Russia has its specifics: it takes the form of an unfolding exclusion. At the same time, the structuring of positions in persistent poverty goes along class and gender lines and is mediated by defensive strategies: mobilizing previously accumulated resources to cover costs associated with deprivation of means of subsistence, being forced to work for a living and selling labor in conditions of low status.

Keywords: comparative theories of the underclass, regime of social exclusion, truncated social citizenship, defensive life strategies, postsocialism.

REFERENCES

- Ashwin S. (ed.) (2006) *Adapting to Russia's New Labour Market. Gender and Employment Behavior*. London: Routledge.
- Balabanova E.S. (1999) Underclass: Concept and Place in Society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 65–70. (In Russ.)
- Burawoy M. (2009) *The Extended Case Method. Four Countries, Four Decades, Four Great Transformations and One Theoretical Tradition*. Berkeley: University California press.
- Burawoy M., Wright E.O. (2011) Sociological Marxism. *Sotsiologiya* [Sociology]. No. 2: 43–57. (In Russ.)
- Dean M. (1991) *The Constitution of Poverty. Toward a Genealogy of Liberal Governance*. London: Routledge, 1991.
- Dörre K. (2010) Social Classes in the Process of Capitalist Landnahme. On the Relevance of Secondary Exploitation. *Socialist Studies/Études socialistes*. Vol. 6. No.2: 43–74.
- Emigh R. J., Szelenyi I. (2001) *Poverty, Ethnicity and Gender in Eastern Europe during the Market Transition*. Westport, Conn.: Praeger.
- Fraser N. (1987) Women, Welfare and the Politics of Need Interpretation. *Hypatia*. 2 (1): 103–121.
- Fraser N., Honneth A. (2003) *Redistribution or Recognition? A Political-philosophical Exchange*. London: Verso.
- Hannerz U. (1969) *Soulside. Inquiries into Ghetto Culture and Community*. New York: Columbia University press.
- Ken R. (1997) Is There an Emerging British 'Underclass'. The Evidence from Youth Research. In: Macdonald R. (ed.) *Youth, the «Underclass», and Social Exclusion*. London: Routledge: 39–54.
- Kelso W.A. (1994) *Poverty and the «Underclass». Changing Perceptions of the Poor in America*. New York: New York University press.
- Ladanyi J., Szelenyi I. (2006) *Patterns of Exclusion: Constructing Gypsy Ethnicity and the Making of the Underclass in Transitional Societies in Europe*. New York: East European monographs, Boulder Co.
- Lewis O. (1959) *Five Families. Mexican Case Studies in the Culture of Poverty*. New York: Basic Books, Inc.
- Lewis O. (1961) *The Children of Sanchez*. New York: Vintage Books.
- Lewis O. (1966) The Culture of Poverty. *Scientific American*. Vol. 215. No. 4 (October): 19–25.
- Lister R. (1996) Introduction: In Search of the «Underclass». In: Lister R. (ed.) *Charles Murray and the Underclass: the Developing Debate*. London: IEA.
- Lytkina T. (2014) The Social Potential of the Inner City: from Ignoring to Recognition. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 17. No. 3: 33–47. (In Russ.)

- Morris L. (2000) The Concept of Underclass. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Vol. 1. No. 1: 67–91. (In Russ.)
- Myrdal G. (1963) *Challenge to Affluence*. New York: Pantheon Books.
- Polanyi K. (2002) *The Great Transformation. Political and Economic Origins of Our Time*. St. Petersburg: Aleteja. (In Russ.)
- Smith D. (ed.) (1992) *Understanding the Underclass*. London: Policy studies institute.
- Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*. Vol. 51. No. 2: 273–286.
- Tarkowska E. (1999) In Search of an Underclass in Poland. *Polish Sociological Review*. Vol. 125. No. 1: 3–16.
- Vaisey S. (2010) What People Want: Rethinking Poverty, Culture, and Educational Attainment. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 629. Reconsidering Culture and Poverty: 75–101.
- Wacquant L. (1996) The Rise of Advanced Marginality: Notes on Its Nature and Implications. *Acta Sociologica*. Vol. 39. No. 2: 121–139.
- Wacquant L. (2008) *Urban Outcasts. A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. Cambridge: Polity press.
- Wacquant L. (2016) *Revisiting Territories of Relegation: Class, Ethnicity and State in the Making of Marginality*. *Urban Studies*. Vol. 53. No. 6: 1077–1088.
- Willetts D. (1992) Theories and Explanations of the Underclass. In.: Smith D. (ed.) *Understanding the Underclass*. London: Policy Studies Institute: 48–54.
- Wilson, W.J. (1987) *The Truly Disadvantaged: The Inner City, the Underclass and Public Policy*. Chicago: University of Chicago press.
- Yaroshenko S. (1994) Syndrome of Poverty. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 2: 43–50. (In Russ.)
- Yaroshenko S. (2010) «New Poverty» in Russia after Socialism. *Laboratorium*. No. 3: 42–72. (In Russ.)
- Yaroshenko S.S. (2013) Women's Work and Personal Well-being. Technology of Exclusion in Post-soviet Russia. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Vol. 14. No. 5: 23–59. (In Russ.)
- Yaroshenko S.S. (2017) Surplus People, or About Regime of Social Exclusion in Post-soviet Society. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Vol.18. No. 4: 60–90. (In Russ.)
- Young I. (1990) *Justice and Politics of Difference*. Princeton: Princeton University press.

Received: 14.01.19. Final version: 01.08.19. Accepted: 03.08.19.